

М.А. Кукарцева

Эффект персонализации современной политики

В статье обозначен эффект персонализации политики: дана его дефиниция, рассмотрены детерминанты и возможные следствия. Указанный эффект проиллюстрирован некоторыми особенностями азиатского и европейского стиля современного политического лидерства.

Ключевые слова: лидерство, персонализация, политика, политическая воля.

Введение

Персонализация политики – это «процесс, в котором политический вес отдельного субъекта в политическом процессе со временем возрастает, а центральная роль политической группы (например, политической партии) снижается»¹. Лидеры и их личное влияние становятся якорем политического процесса, политических интерпретаций и политической оценки. Персонализация политики – результат развития коммуникационных технологий, в частности, появления «новых СМИ», что ослабляет традиционные формы связи между политическими партиями, обществом и избирателями и заменяет их непосредственным общением политика с его аудиторией. Исследование эффекта персонализации политики важно для понимания современной демократии, ведь этот эффект бросает вызов ключевой роли политических партий в политическом процессе, и, следовательно, всей модели партийной демократии².

В качестве одной из ведущих тенденций современной мировой политики обозначенный эффект подчеркнут в аналитике любого серьезного мозгового центра, отечественного или зарубежного. Возьмем в качестве примера два из таковых – ИМЭМО РАН

и Национальный разведывательный совет США (НРС). ИМЭМО в долгосрочных прогнозах на 2030 и 2035 гг. среди основных направлений перемен в международных отношениях и мировой политике называет возникновение нового поколения лидеров³.

В докладе НРС «Глобальные тенденции – 2030» в качестве одного из мегатрендов дальнейшего развития мира был подчеркнут «рост потенциала личной инициативы, как ключа к преодолению глобальных вызовов»⁴. В новом прогнозе НРС «Глобальные тренды. Парадоксы прогресса – 2035» один из семи выявленных ключевых мегатрендов обозначен как «усложнение управления» в локальном, национальном, региональном и глобальном масштабах⁵.

В прогнозах ИМЭМО и НРС указано, что обладающие властью индивиды, то есть лица, занимающие высокие позиции на локальном, национальном, региональном уровнях в четырех ключевых секторах – политике, средствах массовой информации, бизнесе и гражданском обществе, – в ответ на запросы населения своих стран будут искать нестандартные способы решения растущего списка возникающих перед этим населением проблем и вопросов. Эта нестандартность спровоцирована, с одной стороны, внешними причинами, прежде всего установившимся в последние годы климатом недоверия в мировой политике, и причинами внутренними – поляризацией социальных и политических сил во многих странах, что осложняет деятельность их правительств. В связи с этим должны быть найдены технологии, позволяющие расширить круг возможностей и полномочия ключевых игроков во внутренней и во внешней политике. Такие технологии дадут возможность «новым лидерам» блокировать или вовсе обходить принятые матрицы политических действий, и возможно, создавать новые «правила игры».

Ключевой исследовательский вопрос – является ли эффект персонализации политики закономерным результатом неких объективных процессов изменения мировой политики? И может ли персонализация современной политики оказывать многозначный (дестабилизирующий или оптимизирующий?) эффект на отношения между странами?

Вызовы современной мировой политике

Под объективными причинами возникновения и укрепления изучаемого эффекта в первую очередь следует понимать вызовы мировой политике. Базовыми из них являются вызовы государству, безопасности и мировой экономике.

Вызовы государству

Современная политическая система мира, Вестфальская система, является государствоцентрированной моделью мира. Она построена так, что в ней основными акторами являются государства. Но в конце XX – начале XXI в. появляются новые акторы мировой политики, которые в ряде случаев в гораздо большей мере, чем акторы традиционные, изменяют поведение государств. К этим новым акторам относятся этнические группы и диаспоры, мигранты, безгосударственные нации, диаспоральные этносы, сетевые акторы. Особую важность представляют последние, потому что они располагаются поверх территориальных границ или, во всяком случае, пересекают их с особенной легкостью. Сетевые акторы способствуют расшатыванию государства, а требование политического класса ведущих стран мира о безудержной глобализации, как правило, на основе слабоконтролируемой политической, экономической, социальной, культурной интеграции, заставляет граждан искать государству альтернативу.

Ситуацию осложняет неолиберальный проект транснационализации, под влиянием которого в сознании современного человека стала происходить редукция представлений о перспективе мирового развития, его смысле и последствиях – как ожидаемых и желанных, так и нежеланных и неожиданных. Транснационализм как преодоление национализма и этноцентризма интенсифицирует межэтнические контакты как на уровне непосредственного взаимодействия (трудовая миграция, студенческие обмены, перемещение миллионов эмигрантов и беженцев, туризм), так и опосредованных современными средствами массовой коммуникации. Но повторяющиеся контакты не размывают этническую и национальную идентичность, а актуализируют ее, так как только через сравнение можно наиболее четко «уловить» и установить свою принадлежность к группе. Складывающиеся обстоятельства рождают дискурс национализма и этноцентризма.

На уровне принятия решений идея транснационализма с его требованием сопротивления государству и разрушением привычных границ мышления проблематизирует понятие суверенитета. Сегодня говорят о кризисе государственного суверенитета, который становится проницаем для капитала, для международных организаций и корпораций, для террористов и для военных интервенций. Либеральная традиция XIX–XX вв. фактически утвердила суверенитет индивида в противовес суверенитету государства, и это понимание несет в себе страшную опасность для государственного суверенитета⁶. Принцип индивидуальных прав и прав народов

рождает новую версию суверенитета (индивидов, малых наций), что, в определенной мере, хорошо. Плохо то, что такой суверенитет часто обеспечивается извне. Понятие суверенитета может служить как консолидации групп людей (внутри определенных границ), так и разрушению, раздроблению единства в поисках абсолютной атомарности. Поэтому сегодня можно вести речь о борьбе суверенитета против суверенитета.

Вызовы безопасности

XXI в. – переломное время в мировой политике, время неопределенностей, рисков и неясных возможностей. Две большие группы государств (ядро которых неизменно, но периферия великих держав флуктуирует) ищут способ установить баланс сил и сформировать новую политическую систему мира, невестфальскую. Этот процесс сопровождается созданием новых центров силы, в конечном итоге – переделом силы в мировой политике. В ходе этого передела формируются новые вызовы безопасности, ключевыми из которых являются: тенденция обратного возрастания роли военной жесткой силы как регулятора отношений в мировой политике; международный терроризм; демографическая проблема; экологические опасности.

Вызовы мировой экономике

Усугубление проблем между Севером и Югом, лихорадка мировой экономики, особенно в сфере финансов и энергетики. Создание «больших сообществ», трансконтинентальных и трансокеанских, не носящих интеграционного характера (ТТИП и ТТП). Навязывание новых правил торгово-экономического взаимодействия.

Фактический отказ от универсальных правил мировой торговли. Санкции и контрсанкции как новые регуляторы и сохранение экономической открытости.

Свертывание координации своей монетарной политики крупнейшими экономиками мира и отражение этих тенденций на инвестиционном климате и стабильности мировой экономики. Большая двадцатка как аналог Совета Безопасности в экономической сфере.

Качественные изменения структуры миграционных потоков по странам «выхода» и их влияние на мировую экономику. Риск нестабильности мировых цен на энергоносители и повышения эластичности мировой экономики. Реформа финансового порядка, в настоящее время обслуживающего интересы США и ЕС. Реформа международных финансовых институтов, как требование более справедливого распределения власти и позиций в международных финансовых организациях.

Указанные вызовы и следующие за ними события основаны на внутренних процессах существующей политической системы мира. Они укладываются в естественную логику эволюции международных отношений и мировой политики так же, как в свое время Венский конгресс, версальская трансформация, Потсдамские и Ялтинские соглашения и Хельсинские документы 1975 г. Однако динамика исторического и политического времени сегодня изменилась. Возможности поставить точный диагноз происходящему практически нет. Политики и эксперты действуют в ситуации отсутствия или недостаточности всей необходимой информации о происходящем и вынуждены принимать решения без точного понимания того, что именно следует исправить, восстановить, скорректировать. В результате предполагаемый эффект от принятия решений часто бывает прямо противоположный задуманному.

Феномен политической воли

В политике, как известно, не бывает ситуаций «вообще». Ситуации в политике всегда конкретны. Это означает, что каждый раз политик для принятия решения должен проявлять свою политическую волю к достижению поставленных целей, например, национальной стратегии. В «индексе» политической воли проявлено искусство политического руководства. Политику недостаточно быть только компетентным администратором, хотя и это важно для населения. Чтобы спокойно держаться за власть, надо иметь политическое мужество, помноженное на личные амбиции. Однако именно тут и возникают проблемы, ведь личные амбиции рожают эмоции, которые избыточны в политическом анализе. Если личные качества политика предопределяют его стратегию, а его идеи и концепции довлеют над реальностью, то он не сможет ориентироваться на процедуры, уставы, конституции и нормы как безусловные регулятивы. Постоянство убеждений не означает возможности отказа от них в интересах дела. Политик должен уметь следовать постулатам силы – нелинейным отношениям с моралью и готовности применять силу там, где это необходимо, а не использовать ее в качестве декораций. Всякий политик, обладающий политической волей, всегда следует двум традициям Макиавелли – *arcana imperii* и *raison d'état*, теоретизированным Ф. Анкерсмитом⁷. Первое – вынужденная допустимость политического зла⁸, «моральность аморального». Мир вообще и мир политики в частности непредсказуем, поэтому существуют и поступки, противоречащие

нравственному идеалу и принятым ценностям, которые трудно бывает сбалансировать, в отличие от интересов. *Raison d'état* – макиавеллизм – реализация государственных интересов допустимыми и приемлемыми средствами, при неявном допущении вероятности обращения в своей деятельности к определенной доле *arsana impregii*. Обладание политической волей означает для политика не просто всегда основываться на собственных моральных принципах и идеях, а умение отойти от них в интересах дела. Персонификация политического стиля политика в этом смысле может нести в себе как угрозы социуму (*feeling of insecure*), так и обеспечивать его безопасность. Его *modus operandi* определяем не только реализуемой им ментальной стратегией, но и коллективно сформированным образом действительной и должной («справедливой», «правильной») реальности, в котором особую роль играют разные персонификации социальных отношений, отражающие позиции политических и социальных субъектов этом обществе⁹. Например, трудно не увидеть в политическом стиле ряда европейских лидеров, например А. Меркель, признаки политического сомнамбулизма, не позволяющие ей замечать очевидное – размывание либерального международного порядка.

Специфика лидерства в Азии

Используя термин «Азия», мы далеки от иллюзорного предположения, что все азиатские страны являются более или менее похожими. Среди них существует множество различий – как между Китаем и Индией, так и между Китаем, Японией и Кореей, испытавших сильное влияние конфуцианства. Не менее значимо и внутринациональное разнообразие внутри каждой из стран АТР.

Бешеные темпы экономического роста во многих азиатских странах привели к возникновению острого дефицита управленческих талантов. В последнее время Китай обогнал Японию в качестве второй по величине экономики в мире, и в целом азиатские страны занимают 6 из 20 позиций общего валового внутреннего продукта (в том числе Китая, Японии, Индии, Австралии, Республики Корея и Индонезии). Кроме того, 7 из лучших 11 стран с крупнейшими валютными резервами в мире родом из Азии (Китай, Япония, Тайвань, Республика Корея, Гонконг, Индия и Сингапур). Однако экономическое чудо во многих азиатских странах стало обоюдоострым мечом – с одной стороны, оно превратило в течение нескольких десятилетий некоторые из самых отсталых стран

в авангард мирового развития; с другой стороны, потребовало формирования новых политических лидеров в Азии, способных решать разноуровневые задачи высокой степени сложности. Фокус этих задач – экономические проблемы.

Поэтому национальные политические лидеры в Азии – своего рода «генеральные директора своих стран», ориентированные на решение конкретной задачи. Образцами таких лидеров являются, например, нынешний Председатель КНР Си Цзиньпин и его предшественник Ху Цзиньтао. Государство, безусловно, не идентично типичной корпоративной организации, но оно – форма организации в широком смысле этого слова, что предполагает ряд схожих черт в деятельности национального политического лидера и генерального директора компании. Председатель Си выполнил эту задачу, и, несмотря на снижающуюся экономическую роль государства как драйвера его позиционирования в качестве мировой державы, «китайская политическая вселенная сегодня замкнулась на Си. Его роль в политической системе Китая почти беспрецедентна»¹⁰. Он обязан этому не только специфике сложившегося положения вещей внутри китайской политической системы, и росту националистических влияний внутри Китая, формированию феномена китаеценризма в мировой политике. В результате сегодня Си – «человек, который с прошлого года официально имеет титул “ядро партии” (核心) и имя которого после завершившегося XIX съезда КПК внесено в партийный устав наряду с именами отца-основателя КНР Мао Цзэдуна (毛泽东) и крестного отца реформ Дэн Сяопина (邓小平). Итоги съезда – это почти полное воплощение программы-максимум по укреплению личной власти» и превращению коллективного органа партии ленинского типа в «императорский двор»¹¹. Перед нами – хороший пример того, как, умело оперируя инструментами *arcana imperii* и *raison d'état* макиавеллизма, лидер через личное влияние может оказывать любое влияние на внутреннюю и внешнюю политику.

Специфика лидерства в Европе

В Европе, прежде всего в ЕС, институт лидерства имеет немало другие характеристики. Несмотря на то что многие экономические проблемы все еще остаются нерешенными (безработица, уровень социальной защиты и пр.), политическое пространство и рождающиеся там задачи остаются доминирующей средой, способствующей появлению новых лидеров. Структура отношений власти и распространенная в обществе система норм и ценностей

являются механизмом формирования системы политических отношений, в которых лидер ориентирован прежде всего на общение и только потом – на решение задачи. Для Европы характерен *raison d'état*, макиавеллизм, что так убедительно показала каталонская «революция балконов».

В Европе появляются политики, которые пользуются царящей в обществе атмосферой разочарованности и политической усталости и, играя на этих настроениях, приходят к власти. Особенно силен запрос на новых сильных лидеров в центральноевропейских странах¹². Инициативы, которые все громче озвучивают правительства Польши, где в 2015 г. победу на выборах одержала консервативная партия «Право и Справедливость» Я. Качиньского, и Венгрии, где главной политической силой страны с 2010 г. является партия «Фидес», хорошо иллюстрируют эту тенденцию.

В 2017 г. Польша объявила новые приоритеты своей внешней политики. Выступая в Сейме, В. Вашиковский говорил о трех кризисах, с которыми сталкивается Польша. Это кризис безопасности, кризис соседства и кризис европейского проекта. Учитывая геополитическое положение страны, внешнюю политику было предложено строить на двух основах. Первая – политика безопасности, включающая в себя реализацию постановлений Варшавского саммита НАТО, где было принято решение о расширении Восточного фланга в рамках миссии «Атлантическая решимость», что поможет избежать вакуума безопасности между Россией и НАТО.

Вторая основа – построение трех концентричных кругов во внешней политике: «регион», «континент», «мир». «Регион» включает в себя не только Вишеградскую инициативу, но и, прежде всего, продвижение концепции «Междуморья». Последняя известна под двумя названиями: «Междуморья», опирающегося на идею расширения территории Польши от Черного до Балтийского моря, и «Прометеизма». Второй термин происходит от названия организации «Прометей», созданной польскими эмигрантами в Париже в 1926 г., которая объединила представителей разных национальных движений на территории СССР. Их деятельность способствовала оформлению идеи о примирении поляков с украинцами, литовцами и белорусами и совместном избавлении от советского влияния. Именно тогда родилась идея о независимости Украины, Литвы и Белоруссии от России. Предполагалось, что эти страны станут гарантами безопасности в центрально-восточном европейском регионе.

«Континент» – это реформа Европейского союза, в соответствии с которой Польша хочет продолжить оппозиционную линию

партии «Право и Справедливость» по отношению к инициативам евроинтеграции, включающим в себя проект «Европы двух скоростей», ставя во главу угла свои интересы. Разговоры ведутся о необходимости принятия новой Конституции страны, где следует четко прописать вопрос о суверенности Польши и верховенстве национального законодательства над европейским правом.

«Мир» – стремление Польши войти в число непостоянных членов Совета безопасности ООН, чтобы стать участником переговоров по вопросам безопасности в глобальной политике.

В первые дни своего президентства А. Дуда при поддержке парламента выдвинул пять своих претендентов на место в Конституционном суде после девятилетней каденции. Затем была введена поправка о принятии судом решения в $\frac{2}{3}$ голосов, что привело к возникновению противоречий между Польшей и Венецианской комиссией ЕС¹³. В конце 2015 г. в Польше был принят закон о СМИ, после которого в ЕС заговорили о введении санкций против Польши.

В роли ближайшего партнера Польши выступает Венгрия. На рубеже вступления в ЕС и НАТО венгры имели романтизированное представление о жизни в Европейском союзе. Однако за три цикла нахождения у власти либеральные партии Венгрии не добились успеха. Особый резонанс получили ставшие достоянием общественности признания премьер-министра Ф. Дюрчяня в том, что он «постоянно обманывает свой народ и заимствует большие суммы у Брюсселя и МВФ ради спасения экономики страны»¹⁴. На выборах 2010 г. партия «Фидес» получила конституционное большинство, позволяющее начать курс на проведение реформ под руководством В. Орбана. Так же как и чуть позже в Польше и Венгрии был принят закон о СМИ, закрепивший контроль правительства над медийной сферой. Большой резонанс в обществе получило намерение правительства закрыть Центрально-Европейский университет. Председатель Еврокомиссии Ж.К. Юнкер в связи с этим выступил с заявлением о возможном исключении «Фидес» из рядов «Европейской народной партии»¹⁵. В. Орбан на встрече в Европарламенте заверил своих европейских коллег, что меры направлены лишь на снижение привилегий университета, а никак не на его закрытие¹⁶.

В. Орбан желает стать самостоятельным игроком в Брюсселе. Венгерский премьер знаменит своими сравнениями «бюрократизации» ЕС с политикой «советизации» СССР и выступает с твердой критикой европейских структур, которые, по его мнению, превышают свои полномочия во время выполнения своих задач. Однако «Виктор Орбан не настроен пророссийски, он делает лишь то, что считает выгодным для своей страны»¹⁷.

После избрания Д. Трампа на пост президента страны В. Орбан выступил со смелым заявлением «Мы должны сделать Европу великой снова» и выдвинул пять предложений по дальнейшему развитию ЕС¹⁸. Первое касалось «неправильного восприятия» Д. Трампа в европейских кругах, которое нужно скорректировать. Второе – поддержать формирование полицентричного мироустройства, в котором среди других влиятельных акторов мировой политики он хотел бы видеть и сильную Венгрию. Третье – на Европу негативное влияние одновременно оказывают четыре разных кризиса: конкурентоспособности, демографии, безопасности и внешней политики¹⁹. Признаком последнего является неспособность Европейского союза повлиять на разрешение кризисов на Украине и в Сирии, и это нужно исправлять. Четвертое – ЕС не сфокусирован на главных задачах и стал рабом утопии о наднациональной Европе, населенной мифическим «европейским народом». Пятое – Европа должна быть способна защитить сама себя без внешней поддержки, тем самым реализовав свои намерения по построению общей ЕПБО (европейская политика безопасности и обороны), что позволит найти общий язык с Россией.

В. Орбан обращает внимание на то, что экономический кризис 2008 г. показал неспособность ЕС гарантировать благополучие для всех своих граждан. Миграционный кризис и Брекзит могут стать предвестником окончательной дезинтеграции. Он выступил с резкой критикой Европейской Комиссии, которая, по его мнению, узурпировала функции Европейского совета, и в решении вопроса с квотами нарушает эти основы, ведь изначально ее роль заключалась лишь в контроле за соблюдением европейских соглашений. Еще одной ошибкой ЕС, по его мнению, было разрешение принимать важные решения на Европейском совете всего лишь $\frac{2}{3}$ голосов, по проблемам, представляющим жизненно-важные интересы для государств. Все это ставит под вопрос способность ЕС обеспечить финансовую стабильность и безопасность в связи с угрозой терроризма.

Это сходство проблем и некоторая бескомпромиссность в их преодолении позволили политологам говорить о союзе Польше и Венгрии в рамках Вишеградского формата и о возникновении нового формата европейского лидерства. Личное влияние лидеров изменило семантику и стиль обсуждения проблем: «Польшу и Венгрию связывает желание отобрать у Брюсселя всевластие, но при этом продолжать экономическое сотрудничество и использовать поддержку ЕС для своих проектов»²⁰.

В Словакии ведущей партией является социал-демократическая партия SMER, которую возглавляет премьер Р. Фицо, имеющий репутацию «пророссийского политика». После прошедших в стране президентских выборов 2014 года победу одержал А. Киска – независимый кандидат, никогда не принимавший участие в политике, чем возможно и снискал благосклонность избирателей, которые разочаровались, как в правых, так и в левых партиях, ассоциирующихся со старой элитой. Активизировались также и другие противники кандидатуры Р. Фицо, поскольку в случае его победы SMER получила бы большинство в парламенте.

Чешскую политическую элиту перемены тоже не обошли стороной. Стиль руководства победившего на парламентских выборах в Чехии миллиардера Андрея Бабиша сравнивают с азиатским стилем нового лидерства.

А. Бабиш в укор своим политическим оппонентам, обвинявшим его в желании управлять государством в авторитарном стиле, к которому он якобы прибегает, будучи главой собственной корпорации, предложил потенциальным избирателям представить его в качестве менеджера фирмы, где последней должна была стать Чехия. Доказывая жизнеспособность своей концепции «руководства государством как фирмой», он указал на коллективный характер принимаемых решений внутри крупных бизнес-структур и постоянное стремление любого руководства обеспечить непрерывное развитие предприятия и благосостояние его рабочих²¹.

Заключение

Персонализация современной политики в трех основных сферах деятельности партий – избирательной кампании, внутренней структуре партии и в государственной политике, приводит к поиску кандидатур сильных личностей на роль партийных лидеров. В результате такой лидер получает возможность влиять не только на микросреду партии, но и на макрополитику страны, оказывать многозначный и не всегда позитивный эффект на отношения между странами.

Эффект персонализации политики – результат объективных процессов, происходящих в мировой политике и международных отношениях, одновременно этот эффект – следствие возрастания личных амбиций лидеров политических элит, нередко имеющих фундаментально разные позиции, определяющие взгляд на разные проблемы межгосударственных отношений.

- ¹ *Rahat G., Sheaffer T.* The personalisation(s) of Politics: Israel 1949–2003 // Political Communication. 2007. № 24(1). P. 65–80.
- ² *Kriesi H.* Personalization of National Election Campaigns // Party Politics. 2012. Vol. 18. No. 6. P. 825–844.
- ³ Мир 2035. Глобальный прогноз / Под ред. А.А. Дынкина; ИМЭМО им. Е.М. Примакова. М., 2017.
- ⁴ Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры. [Электронный ресурс] URL: http://www.nkibrics.ru/system/asset_publications/data/53c7/b3a1/676c/7631/400a/0000/original/Global-Trends-2030-RUS.pdf?1408971903/ (дата обращения: 12.02.2017).
- ⁵ Global Trends. Paradox of Progress. A publication of the National Intelligence Council January 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dni.gov/files/images/globalTrends/documents/GT-Full-Report.pdf> (дата обращения: 04.03.2017).
- ⁶ *Магун А.В.* Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- ⁷ *Анкерсмит Ф.* Политическая репрезентация. М., 2012. С. 33–47.
- ⁸ *Каспэ С.* Определяя политическое зло: Легальное сопротивление злу как регулятор политической воли. [Электронный ресурс] URL: <http://gefter.ru/archive/12982/> (дата обращения: 12.09.2017).
- ⁹ *Кукарцева М., Вардак С.* Биографемы политического лидера. Х. Карзай и Республика Афганистан // Обозреватель. 2014. № 9. С. 83–84.
- ¹⁰ *Габуев А.* Следует ли Си дорогой Путина? [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/social/20171021/240583732.html> (дата обращения 15.11.2017).
- ¹¹ *Габуев А.* Доложили расстановку: как Си Цзиньпин превратил политбюро в свой двор. [Электронный ресурс] URL: <http://carnegie.ru/commentary/73553> (дата обращения: 15.11.2017).
- ¹² *Kořan M.* Central Europe: The Death of Dreams? [Электронный ресурс] URL: <http://www.tepsa.eu/central-europe-the-death-of-dreams-michal-koran-iir-czech-republic/> (дата обращения: 20.02.2017).
- ¹³ Европейская комиссия за демократию через право – консультативный орган по конституционному праву, созданный при Совете Европы в 1990 г.
- ¹⁴ *Шишеллина Л.В.* Реформа с неожиданным итогом: К 25-летию «круглого стола» власти и оппозиции в Венгрии. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2014/97/4sch-pr.html> (дата обращения: 01.04.2017).
- ¹⁵ *Шишло А.* Юнкер хочет исключить премьера Венгрии из Европейской народной партии. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/world/20170413/1492160884.html> (дата обращения: 13.04.2017).
- ¹⁶ Премьер Венгрии опроверг закрытие университета Сороса. [Электронный ресурс] URL: https://news.rambler.ru/world/36721752/?utm_content=news&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 26.04.2017).

- ¹⁷ Венгерское окно в Европу: О чем будут говорить евроскептики Путин и Орбан. [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/articles/2015/02/16/hungary2/> (дата обращения 10.08.2017)
- ¹⁸ *Orban V.* We shall make Europe great again. [Электронный ресурс] URL: <http://www.miniszterelnok.hu/we-shall-make-europe-great-again/> (дата обращения 28.01.2017)
- ¹⁹ *Orban V.* Hungary and the crisis of Europe // Hungarian Review. [Электронный ресурс] URL: http://hungarianreview.com/article/20170124_hungary_and_the_crisis_of_europe/ (дата обращения: 05.05.2017).
- ²⁰ Венгерский эксперт: Вышеградская группа евроскептически, но влиятельна // Радио Польша. [Электронный ресурс] URL: <http://radiopolsha.pl/6/137/Artykul/265304> (дата обращения: 26.04.2017).
- ²¹ *Ведерников М.* Чехам обещают кардинальную смену курса // Эксперт-online. URL: http://expert.ru/2017/10/23/chehiya-kardinalno-menyayet-kurs/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 21.10.2017).